

Виктория СЕРКИНА

студентка IV курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

Научный руководитель: д-р истории Р.А. Рабинович

О РОЛИ ЖЕНЩИН У СЛАВЯН В ПЕРИОД ЯЗЫЧЕСТВА

Serkina V. The Role of Women among the Slavs in Early Paganism.

Starting with XVIII century scholars became interested in status, rights and role of a woman among the Slavs in the period of the Middle Ages. Unfortunately till nowadays retrospective study model of a woman's role prevails.

The object of the study is creation of a woman's role reconstruction that would take into account all the available sources (written, ethnographic and archaeological), and at the same time would be least of all concerned with the retrospective model.

The results of data source research make it clear that prevailing view about the position of a woman in the early medieval society of the Slavs is mostly faulty. The affirmation referring to Slavic place of a woman is not objective. Otherwise, medieval authors give us a large-scale picture of woman's activity. A woman could occupy the same niche as a man did, in other words be "sorcerer", "warrior" and "worker" (according to Dumézil's triad).

In the process of work much information from the sources about the role of women has been discovered.

Firstly, it was revealed that woman's status evolution coincide with the alternation of military and magical periods in early medieval history of the Slavs.

Secondly, the study displayed that figure of a "wicked wife" (often blamed by Christian authors) remained from times of heathenism. Such a female behavior was cultivated in the course of centuries and couldn't disappear immediately with the advent of new moral norms.

Thirdly, there was set up a hypothesis and found arguments in its favour of existence of female military "fraternities" among the Slavs. So far this fact is established on the basis of information of Cosmas Pragensis only for Czechs. But occasionally encountered mentionings about women-warriors allow us to suspect that the other Slavic people also had such fraternities.

Fourthly, there was offered fundamentally new interpretation of the episode about "Duleb women'torment" from Povesti Vremennyh Let. On the analogy found in a Bulgarian chronicle the conclusion about symbolic and sacral context of the event was drawn.

The study achieved that during the heathenism in early Middle Ages Slavic women enjoyed great independence and sovereignty.

Sure we can't forget about biological peculiarities and destination of a woman that in fact are the only borders of her abilities. The main task in every woman's life was and will be birth and upbringing of children.

This attempt of reconstruction allowed us to understand that on the whole women's authority and social status played the same part as men's did. Single distinction consisted the clear-cut division of spheres of influence into both sexes. Men play the key role in some lines, women do it in the others.

Еще начиная с XVIII века, ученых интересовали статус, права и роль женщины в славянском обществе в период средневековья. Но, к сожалению, в научной литературе вплоть до сегодняшнего дня в основном господствует «ретроспективная модель» выяснения роли женщины. В частности, И.Ф. Эверс и его последователи А.П. Попов, В. И. Сергеевич настаивали на том, что «в древнерусской семье у женщины отсутствовала отдельная от

мужа собственность, а это якобы доказывало исконную подчиненность жены мужу» (Пушкарева 1989: 179-180). Ретроспективная модель распространена также и по идеологическим и психологическим причинам – в том числе и из-за стереотипов, возникающих под влиянием проникнутых христианской моралью источников XV-XVIII вв., которые отводят женщине строго определенную и отнюдь не высокую роль.

И хотя существовала и противоположная точка зрения (Н. Рождественский, О. Ланге), в которой подчеркивались правовая самостоятельность женщин и имущественная раздельность в супружеском союзе (Пушкарева 1989: 179-180), ученые все же не могут представить целостной картины роли женщины в раннесредневековом славянском обществе. В настоящее время ведущими исследователями положения славянской женщины в средневековье являются Н.Л. Пушкарева (1989), М.В. Корогодина («Или мучивал жену напрасно, а не по закону?..» <http://vivovoco.rsl.ru/>), Б.А. Романов (1966), В.В. Колесов (1986), которые, к сожалению, мало затрагивают период язычества и раннего христианства вследствие скудности данных источников. В то же время эти данные дают некоторые основания полагать, что роль славянской женщины в эпоху язычества и первых веков распространения у славян христианства была несколько иной, чем предполагает ретроспективная модель.

Цель моего исследования состоит именно в создании такой реконструкции роли женщины, которая бы максимально учитывала всю информацию источников по раннему периоду, но при этом была бы наименее связана с «ретроспективными направлениями» в изучении этой темы.

Женщина в половозрастной структуре славянского общества

Как показывают источники, у ранних славян, как и в других традиционных культурах, существовало четкое половозрастное разделение: мужчины, женщины, дети. Как утверждает В.В. Колесов, на Руси еще долгое время сохраняется «свойственное древним славянам безразличие в отношении пола, социальной свободы, степени духовного и физического развития человека в период его юности, но период мужества очень важен, все его грани постоянно обозначаются специальной терминологией» (Колесов 1986: 89).

Существует мнение, что «какого-либо равноправия обоих полов ни в семье, ни вне ее славянское право не знало. Только мужчина был полноправным членом семьи, женщина таковым уже не являлась. Отношение мужа к жене было отношением господина и хозяина к лицу подвластному. Женщина обязана была, например, быть верной своему мужу, однако сам мужчина такую верность сохранять обязан не был и мог иметь сколько ему было угодно наложниц, а жену мог вообще прогнать. После смерти мужа жену вместе с рабами и предметами, при-

Хронологические рамки исследования – с появления первых сведений о славянах как таковых и первые века распространения христианства в славянских странах. Территориально сделана попытка охватить весь славянский мир эпохи раннего средневековья.

Источники, которые были использованы, можно разделить на «внутренние» славянские (древнерусские, такие как «Повесть временных лет» (1996), и латиноязычные славянские – польские, чешские, например, «Чешская хроника» Козьмы Пражского (1962), «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв.» (1987) и др.) и «внешние» (византийские – например, Прокопий Кесарийский (1996), Лев Диакон (1988), европейские латиноязычные – «Славянская хроника» Гельмольда (1963), «Так называемая хроника Фредегара» (1995), – и восточные (сочинения Ибн-Фадлана (<http://www.pagan.ru/books/src/ibnfadlan/p2.htm>), Бахши Имана (1993)).

В ходе исследования удалось выявить участие женщины в различных сферах деятельности в обществе, вследствие чего естественной будет следующая структура изложения: женщина в половозрастной структуре славянского общества; женщина-воин и правитель; женщина в сакральной сфере.

надлежавшими господину, сжигали вместе с ним» (Нидерле 2001: 335).

Но видимо нельзя так однозначно судить о положении женщины, так как, во-первых, на протяжении языческого периода оно неоднократно менялось, и, во-вторых, принадлежало к разным слоям в обществе обуславливала свои особенности.

Как показывают источники, эволюция положения женщины шла параллельно с развитием общества. По моим наблюдениям, предлагаемая некоторыми исследователями, например С.Е. Эрлихом в статье «Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма)». (Стратум: Структуры и катастрофы, 1997), модель чередования «воинских» (то есть с преобладанием военной, светской власти) и «колдовских» (соответственно – с преобладанием власти сакральной) периодов в древнейшей русской истории совпадает с изменениями в роли женщины:

1. До VI в. н.э. ««колдуны» древнейших славян преобладали над «воинами»» (Эрлих 1997: 154). Венеты, анты, склавины, оби-

тающие в это время «к северу и востоку от Карпат», считаются невоинственными племенами, «не обученными носить на теле оружие» (Феофилакт Симмоката 1995: 17). Источники этого периода ничего не сообщают о женщинах «древнейших славян», но предоставляют сведения о женщинах соседних племен. И оказывается, что в период I-V вв. встречается несколько упоминаний о женщинах-правительницах у свионов, соседей ругов («над ними властвует женщина», Тацит 1986: 537), скифов («правившая в селении женщина – она оказалась одной из жен Бледы – послала нам пищу...» Приск 1991: 87).

2. «Второй этап – VI – сер.VII вв. Он характеризуется частыми набегами славян из районов постоянного «корчакско-пеньковского» местожительства на Византию... Походы на Византию, несомненно, поднимали престиж «военного» бога-громовержца» (Эрлих 1997: 154). Именно в этот период начинают появляться сообщения о жертвоприношениях женщин во время похорон их мужей. Маврикий Стратег описывает обычай женщин славян и антов удушать себя, Прокопий Кесарийский (оба автора - VI в.) упоминает точно такой же обычай у эрулов: «она обязательно должна спустя короткое время удавиться у могилы своего мужа» (Прокопий Кесарийский 1996: 155).

3. Во второй половине VII в. «эпоха военного затишья – наиболее вероятное время жреческого владычества у «северных» прикарпатских славян» (Эрлих 1997: 154).

4. 2-я пол. IX–XII вв. – «в этот период высочайшей внешнеполитической активности «Руси изначальной» «воины», которыми, вероятнее всего, были скандинавы, установили безраздельное господство, свергнув «колдовскую» власть жрецов» (Эрлих 1997: 154). К этому времени относится ставший хрестоматийным сюжет Ибн-Фадлана о сожжении жены знатного руса.

Итак, «воинские» этапы (второй и четвертый) характеризует наличие обрядов самопожертвования жен на могилах своих мужей, причем в первом периоде женщины себя удушают, во втором – их сжигают на погребальном костре супруга. Скорее всего, это изменение обрядности отражает смену состава воинского сословия, приход «руси» на славянские земли. Это время, с одной стороны, обязывает женщину повиноваться своим защитникам, с другой – позволяет им стать более самостоятельными в отсутствии мужей.

«Колдовские» этапы, в свою очередь, показывают время господства жрецов, среди которых встречаются и женщины.

Вполне естественно, что знатная и богатая женщина занимала иное положение, чем жена простолюдина. Но, вместе с тем, нельзя принижать положение последней. Фактически женщина была полной хозяйкой и госпожой у себя дома. Если учитывать, что социальная жизнь в основном ограничивалась пределами общины, то владения женщины составляли довольно значительную часть социального пространства. В условиях господства натурального хозяйства именно дом был основной сценой, на которой проходила жизнь человека.

В христианских памятниках мы видим разделение жен на «добрых» и «злых». «Добрая» жена соблюдает все церковные предписания, является образцом богобоязненности и законопослушания. Образ «злой» жены традиционно трактуется как непокорной мужу, самостоятельной женщины. Б.А. Романов считает, что такое представление о «злой» жене появляется в связи с распространенностью браков по расчету (Романов 1966: 197). Но, исходя из обработанного материала, можно предположить, что этот образ остался со времен язычества, подобное поведение женщины воспитывалось веками в условиях экономической и правовой свободы.

Женщина в социальной структуре

Правитель

Прочитав подзаголовок, каждый наверняка, в первую очередь, подумает о княгине Ольге. Не только правитель, но и воин, мстительница, верная жена. Так описывает нам ее «Повесть временных лет», так утверждают исследователи. На самом деле существует еще одна позиция, с которой стоит взглянуть на эту женщину. Но об этом ниже. А сейчас я хочу рассмотреть само понятие «правитель», его проявление как роли жен-

щины, обязанности и права, которыми обладает носящая этот титул.

Правитель – это лицо, которое правит страной, государством (Толковый словарь С.Ю. Ожегова и Н.В. Шведовой: <http://tolk.h1.ru/>). В течение большей части изучаемого мной периода еще не существовало государства. «Основу политического строя древних славян составляли отдельные роды и племена» (Нидерле 2001: 339). Еще в IX веке некоторыми племенами (хорватами и сербами) правили старейшины. «Объеди-

нение славянских племен и образование новых более крупных политических союзов, настоящих славянских государств, наступают лишь в течение IX и X веков» (Нидерле 2001: 340).

У каждого славянского народа существуют свои легендарные родоначальники, так называемые генеалогические герои. Мотивам трех братьев - Кия, Щека и Хорива и сестры их Лыбеди, Чеха, Ляха и Руса в поздней польской книжной традиции - соответствует мотив трех сестер - Либуше, Кази и Тэтке, дочерей чешского культурного героя Крока. Генеалогические герои обычно являются и первыми правителями своего народа. Как показывают источники, ими могли быть и женщины.

Существует несколько способов, чтобы стать правителем: 1) родиться в семье правящей династии, 2) заключить брак с представителем княжеской (королевской) семьи, 3) завоевать власть с помощью силы.

Переход власти по наследству давал женщине возможность выбора. Она могла выйти замуж или остаться единоличным властителем своего государства. Так поступила дочь польского короля Ванда.

«Она, благоразумнейшая женщина, пренебрегая брачным ложем, великолепно правила Польским королевством согласно воле народа» (Великая Хроника 1987: 58). Ее пытался «склонить к браку» король алеманов, но ни деньги, ни мольбы ни к чему не привели. Тогда король *«прибегнул к враждебным угрозам и нападениям со своим войском»* (Великая Хроника 1987: 58). Ванда же, нисколько не испугавшись, вместе со своими «наводящими ужас полчищами» вышла ему навстречу. В ответ на это король алеманов совершил очень странный поступок - покончил с собой, бросившись на меч, а перед этим пожелал полякам, чтобы они и их потомство *«непрерывно находились под властью женщины»* (Великая Хроника 1987: 58). Далее следует еще более непонятное поведение Ванды: *«Ванда, получив от алеманов клятвы в верности и вассальной зависимости, вернувшись домой, принесла богам жертвоприношения, соответствующие ее великой славе и выдающимся успехам. Прыгнув в реку Вислу, воздала должное человеческой природе и переступила порог подземного царства. С этих пор река Висла получила название Ванда по имени королевы Ванды, и от этого названия поляки и другие славянские народы, примыкающие к их государствам, стали называться не лехитами, а вандалитами»* (Великая Хроника 1987: 58).

Исследователи считают оба эти самоубийства актами жертвоприношения. По-моему, речь может идти о «вульгарной», «народной» вторичной этимологии хронистов, которые попытались по-своему объяснить бытование этнонима «вандалиты». Но сам факт указывает на возможность подобного поведения женщины-властителя.

Статусный рост путем заключения брака, наверное, самый распространенный. А в контексте полигамии и самый возможный. Добиться высокого положения в обществе могла практически любая. Существует романтическая версия (одна из летописных) женитьбы Игоря на Ольге, которая была из незнатной семьи из Пскова, Игорь познакомился во время охоты и настоял на свадьбе.

Булгарский летописец Гази-Барадж описывает другую версию знакомства Игоря и Ольги: *«Угыр (Игорь) отобрал Башту (Киев) у Салахби (Олег) и, став господином Башту, первым делом женился на попавшей в плен Ульджай (Ольге)»* (Бахши Иман 1993: 58). А до этого:

«Покончив у Болгара с врагом, Салахби тут же при помощи анчийцев овладел Башту и взял в жены анатышку - вдову Худа. При этом она спросила: «Где был убит муж мой?» Салахби ответил, что в болгарском овраге, куда в конце концов загнали и где расстреляли стрелами воинство Худа... Арслан с помощью хинских баджанакон выбил Рыштау из Хорысдана и поставил во главе бейлика Кара-Булгар Угыра. Но Салахби тут же двинулся к Хорысдану с частью прибежавших к нему каубуйцев и выбил Угыра вон... Здесь же, в кара-булгарском батавыле Хорысдан, Салахби сыграл свадьбу с Ульджай, ибо решил, что название здешней реки Сююм-Идель подходящее для этого и что этим уважит канна Алмышша» (Бахши Иман 1993: 54-55). Автор утверждает, что Ольга уже не раз была замужем, доставаясь победителю ее очередного супруга.

Требование дани Игорем с древлянского князя Мала булгарский летописец описывает практически идентично таковому в «Повести временных лет»:

«А в Кара-Булгаре тогда было немало городов - Хорысдан, Хурса, Сэбэр, Харька, Салтау, Чалы и другие, и Угыр весьма обрадовался представившейся возможности овладеть богатым краем. Для того, чтобы спровоцировать войну с Хорысданом, он потребовал от Мала уплаты им дани. Тот согласился с этим и дал требуемое. Тогда Угыр вновь потребовал с него дань - на этот раз для своей жены Ульджай. Мал внес и ее. Но

Угър со своим балынским войском шамлынецв явился к Хорысдану в третий раз и потребовал дань уже для своего сына Барыса (Святослава), посаженного им в Галидже. На этот раз Мал отказал. Началась война, в которой Угър был взят в плен. Жена Мала, бывшая раньше женой Угъра и бежавшая от него по причине происков Ульджай, велела разорвать улубия на куски и развесить их на дереве. Овдовевшая Ульджай двинулась на Хорысдан с новым балынским войском из галиджиев, ибо анчийцы отказались воевать с булгарами. Кара-булгары раскололись: барыны решили продолжать войну с балынцами, а вот каубуйцы во главе с родом Рыштау, недовольные княжением Мала, перешли на этот раз на сторону Ульджай после ее обещания сохранить каубуйское княжение в случае признания ими верховной власти Башту. При помощи каубуйцев балынцы овладели Хорысданом и пленили Мала и Юсуфа» (Бахши Иман 1993: 87).

Следующие строки могут нас шокировать, но мне кажется, что автор ближе к действительности, чем летописец «Повести временных лет», смотрящий на ситуацию через призму христианской морали.

«Ульджай, установив в Хорысдане (который велела называть только «Батавил») род Рыштау, вернулась с пленными беками и барынами в Башту. Юсуфа посадили в темницу, а Мала с барынами разместили во дворе Алмышы и велели эмиру быть истопником в бане Ульджай. Когда бика вошла в баню вместе со служанкой, эмир выгнал девушку и овладел Ульджай, словно дикий жеребец. После этого Ульджай сделала Мала первым урусским беком и держала его вместе с его барынами возле себя и в величайшем почете. Потом наши насмешливо говорили, что эмиру с самого начала надо было сражаться с Ульджай..., а не саблей...» (Бахши Иман 1993: 87).

Но, независимо от обстоятельств, после смерти Игоря Ольга – княгиня Киевская, полноправная властительница страны. Ольгу никто никогда не называл правительницей при малолетнем князе, регентом, главой правительства. После гибели Игоря его наследником стал старший сын Святослав. Но он еще мал и всю полноту власти получает взрослый представитель правящего рода. Выбор этого представителя осуществлялся, по-видимому, уже не по формальным критериям, а по личным качествам.

Таким образом, очевидно, что женщина-правитель у ранних славян не являлась чем-то невероятным.

Воин

Можно выделить 3 категории женщин-воинов:

1) Рядовой боец

Присутствие женщин в войске - в походах и в лагере - явление вполне ординарное. Но здесь речь пойдет о непосредственном их участии в военных действиях. По известию Иоанна Скилицы, женщины (русские или болгарки) участвовали в боевых вылазках воинов Святослава из осажденного византийцами летом 971 г. Доростола: убитых в бою женщин обнаруживали ромеи среди павших воинов русского князя. Похожие сообщения можно встретить и у других авторов:

«Снимая доспехи с убитых варваров (скифов), ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев» (Лев Диакон 1988: 130). А у Патриарха Никифора можно встретить свидетельство об участии славянок в морском бою («Славяне, увидев его, выступили с реки под названием Варвис и двинулись против города. Те же (т.е. суда ромеев) устремились навстречу, окружили их, тотчас сокрушили и окропили обильной кровью морскую воду. При этом среди тел убитых были обнаружены и женщины-славянки» (Патриарх Никифор 1995: 227).

У некоторых народов даже существовали женские воинские братства, как, например, у чехов: девушки «занимались военным делом так же, как и молодые люди, и охотились в лесах, как мужчины; и поэтому не мужчины избирали себе девушек в жены, а сами девушки, когда желали, выбирали себе мужей и, подобно скифскому племени, плавкам или печенегам, они не знали различия между мужской и женской одеждой. Смелость женщин возросла настолько, что на одной скале, недалеко от названного града, они воздвигли себе град, защитой которому служила природа, и дали этому граду название Девин, от слова «дева»» (Козьма Пращский 1962: 46).

Как видно, подобное занятие не было редкостью. Скорее всего, только с принятием христианства практика военного дела становится неприемлемой для женщины.

2) Предводитель, военный вождь

К этой категории относятся женщины-правители, причем только при отсутствии мужа – только тогда у них была возможность встать во главе войска. Они не обязательно должны были уметь владеть оружием, хотя

встречалось и такое. Наиболее яркий пример в русской истории – княгиня Ольга.

3) Воин поневоле

К этой категории можно отнести практически всех женщин средневековья. Набеги кочевников, нападения соседних племен заставляли женщину учиться оборонять себя и своих детей. Особенно в отсутствие мужчин, которые могли в это время быть в военном походе, охотиться.

Я считаю, что «воин» является такой же вполне обычной ролью женщины, как «мать» и «жена». Конечно, не всем женщинам суждено было стать воительницами, но ведь и далеко не все мужчины выступали в этой роли.

Сакральная роль женщин

«Специальная каста жрецов засвидетельствована только у балтийских славян, религия которых была наиболее развита и у которых имелось и наибольшее количество известных богов и крупных культовых центров с известными храмами. У остальных славян подобного рода жрецы не засвидетельствованы» (Нидерле 2001: 323). К сожалению, источники не оставили свидетельств о принадлежности к этой касте женщин, хотя бы и у балтийских славян. Но «наряду с настоящими жрецами у всех славян был распространен еще один вид посредников между народом и богами или демонами» (Нидерле 2001: 323). Это были колдуны, обычно называемые волхвами. Женщины-волховитки, называемые церковниками «бабы-идоломолицы» и «бабы-богомерзкия», лечили, ворожили, помогали родиться (или не родиться) ребенку. Авторитет волхвов был огромен даже спустя несколько веков после принятия христианства, хотя церковь и боролась с этим, как могла. Во многих поучениях раннехристианского периода запрещается ходить к таким ворожеям.

О влиянии волхвов и в связи с этим женщин говорит эпизод из «Повести временных лет», когда *«Во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля... И, куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та - мед, а та - рыбу, а та - меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих жен, а имущество их забирали себе»* (ПВЛ 1996: 213).

Аналогичный обычай зафиксирован у мордвы в XIX в.:

«Когда мордвыны готовятся совершать свое общественное богослужение, по дворам ходят избранные люди для сбора жертвенных припасов. В каждом доме старая замужняя женщина берет обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывает его через голову назад за голые свои плечи и не оглядываясь, задом подходит к сборщикам. Сборщик, взяв в одну руку мешок, другой рукой пять раз колет в обнаженные плечи и спину, читая при этом молитву, а потом перерезывает тесемки, и сумка падает в подставленную для того кадку» (Рабинович 2000: 311).

Этот обычай трактуется как «конфискация» продовольствия у «лучших жен» – женщин, ведающих запасами. «Таким образом, действия волхвов можно охарактеризовать как облеченную в ритуальную форму «экспроприацию» продуктовых запасов у имущих людей на общественные нужды во время голода» (Рабинович 2000: 311). Сказочный характер летописного рассказа, по мнению И.Я. Фроянова, – «результат совмещения в летописном повествовании двух разных ритуалов, бытовавших в Ростовской земле и знакомых автору Повести временных лет понаслышке. Один из них ... ритуал сбора припасов для общественных жертвоприношений и празднеств. Другой указывает на практику ритуальных убийств женщин, подготавливаемых в пагубном «влиянии» на урожай» (цит. по: Рабинович 2000: 311).

Полагаю, что еще одно подтверждение наказания женщин за «навлечение голода и прочих несчастий» встречается в «Повести временных лет», в эпизоде «примучивания жен дулебских»:

«Если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его – обрина». (ПВЛ 1996: 146). Газиз-Барадж, болгарский летописец, описывая аналогичный случай у хонов, объясняет их действие – *«запряжение женщин мурдасов (мордвы) в телеги»* – слухом, что *«именно они своим волхованием вызвали вначале суровую зиму, а потом засуху»* (Бахши Иман 1993: 19) Традиционно эпизод «примучивания» трактуется как унижение дулебов. Но если учесть, что и обры/авары, и хоны/гунны – кочевники, можно предположить другой вариант развития событий. Вполне вероятно, что летописец, к которому в руки попали данные сведения, неправильно их понял. Ведь стоит задуматься, почему униже-

нию подвергали именно женщин? Если обрину хотел показать свое пренебрежение дулебам, почему он не запряг воинов-мужчин – «защитников» племени? Мне кажется, что в контексте сообщения Гази-Бараджа, объяснение может быть следующим: дулебских жен, как и женщин мурдасов, впрягали вместо скота, чтобы символически подчинить их, помешать им и дальше вредить победителям.

Это вписывается в один ряд с этнографическими сведениями, когда еще в XIX в. женщины впрягались в плуг во время засухи для призывания дождя и возвращения плодородия земле, когда христианские молебны уже не помогали (Левкиевская 2003: 417).

Эпизоду из «Повести временных лет» есть аналогичный в «Великой хронике о Польше, Руси и их соседях», правда здесь он описан в зеркальном отражении (на этот раз скот ведут вместо женщины):

«До такой степени он [Болеслав] ненавидел женщин, что приказывал во время своего пути вести вместо жены вьючный скот, украшенный пурпуром и бисером. Некоторые утверждают, что он пользовался им постыдным способом. Отдельные сочинения, которым подлежит верить, отрицают это; но он сам указывал, что он делает это во искупление преступления, совершенного знатными женщинами в отсутствие их мужей» («Великая хроника...» 1987: 73-74).

Он может трактоваться двояко. С одной стороны, замена женщины скотом может говорить о полнейшем презрении к ней, о том, что женщина низводится до ранга животного. В таком случае я бы объяснила такой поступок состоянием аффекта, в котором находился покинутый муж. Но гораздо интереснее взглянуть на этот момент с другой стороны и предположить, что данный выход из ситуации был подсказан Болеславу давней традицией отношения к женщинам, появившейся в незапамятные времена и сохранившейся кое-где до наших времен. Вероятно, его можно рассматривать как одну из вариаций на тему «основного мифа», отражение «древнего соперничества воинов и колдунов» (Эрлих 1997: 151). В данном случае женщины рассматриваются как «колдуны», а мужчины, следовательно, как «воины». Покровителем жрецов считается «скотий бог» Велес, ассоциирующийся, соответственно, с домашним скотом (в основном,

с быком, как утверждает С.Е. Эрлих), а также со змеем. Следовательно, такая замена женщины «вьючным скотом» (осознанная или неосознаваемая) может говорить о закрепившейся связи «женщина – «скотий бог» – скот».

По аналогиям с другими культурами можно предполагать наличие и других «сугубо мужских» ролей женщин, например женщина-торговец (Стальсберг 1999) или женщина-ремесленник. По археологическим и этнографическим данным женщины занимались изготовлением керамики, особенно лепной (Бобринский 1978: 26), а также бронзолитейным ремеслом – знаменитые женские погребения в Волго-Окском междуречье, которые относят к славяно-мерянскому населению (Голубева 1988: 31-34). Как объясняет это явление Б.А. Рыбаков, «восковые модели для литья изготавливались из провощенных нитей, и это занятие было близко традиционным женским занятиям – вязанию, ткачеству и т.д., а сам процесс литья проходил у домашнего очага».

Итак, результаты исследования данных письменных источников показывают, что господствующее сегодня мнение о положении женщины в раннесредневековом обществе у славян зачастую ошибочно. Утверждение, что женщина была рабыней своего мужа и круг ее обязанностей и интересов ограничивался собственным домом, не имеет под собой фактической основы.

Как раз наоборот, средневековые авторы рисуют картину обширного поля деятельности женщины. Женщина могла занимать те же ниши в структуре общества, что и мужчина, то есть быть «колдуном», «воином», «работником». Естественно, нельзя забывать о биологических особенностях и предназначении женщины, которые были практически единственным ограничителем ее возможностей. Рождение и воспитание детей были и остаются главной задачей в жизни каждой женщины.

Попытка реконструкции роли женщины позволяет понять, что в целом влияние женщин, их авторитет и социальный статус в обществе играют не меньшую роль, чем те же параметры у мужчин, просто в это время существует четкое разделение сфер влияния между представителями разных полов: мужчины играют ведущую роль в одних областях деятельности, женщины – в других.

Литература

- Агафий Миринейский, 1991. Свод древнейших письменных известий о славянах. М. том I.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. 1991 М., том I.
- Свод древнейших письменных известий о славянах 1995., М., том II.
- Латинязычные источники по истории Древней Руси. 1990. М.-Л.
- Артемова. О. Ю. 1987. «Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине», М. «Наука»
- Бахши Иман «Джагфар тарихы». 1993.. «Свод болгарских летописей 1680 г». Оренбург. Редакция вестника «Булгария». Т. I.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. 1987. Издательство Московского университета.
- Гельмольд. 1963. «Славянская хроника». М. Издательство Академии наук СССР.
- Голубева Л. А. 1987. Девочки-литейщицы//Древности славян и Руси. М., «Наука».
- Келли Дж. «Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин», <http://femin.ru/>.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1983. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. М. <http://pagan.ru/>.
- Иордан, «Гетика»1960. М.
- Козьма Пражский1962, Чешская Хроника, М. Изд-во Академии наук СССР, вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука.
- Колесов В. В. 1986 «Мир человека в слове Древней Руси». Л.
- Константин Багрянородный. 1991. «Об управлении империей», М., «Наука».
- Корогодина М.В. «Или мучивал жену напрасно, а не по закону?..» <http://vivovoco.rsl.ru/>.
- Лев Диакон. 1988. «История». М. «Наука».
- Левкиевская Е. 2003. «Мифы русского народа». М., «Астрель».
- Нидерле Л. 2001. «Славянские древности». М. «Алтейя»
- Патриарх Никифор. 1995. «Свод древнейших письменных известий о славянах», том II, М.
- «Повесть временных лет». 1996. С-Пб. «Наука»
- Продолжения «Хроники Фредегара». 1995. «Свод древнейших письменных известий о славянах», том II, М.
- Прокопий Кесарийский. 1996. Война с готами. М. «Арктос-Вика-пресс».
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. <http://www.pagan.ru/books/src/ibnfadlan/p2.htm>.
- Пушкарева Н. Л. 1989 «Женщины Древней Руси». М. «Мысль».
- Рабинович Р. А.1997. ««Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи»)» // Стратум: структуры и катастрофы.
- Рабинович Р. А. 2000 «Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы» // Стратум, №5.
- «Русская Правда пространной редакции», 1987. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года. М., «Просвещение».
- Рыбаков. 1994. <http://pagan.ru/>.
- Стальсберг А. 1999. «Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация)» // Стратум № 5.
- Толковый словарь С. Ю. Ожегова и Н. В. Шведовой: <http://tolk.h1.ru/>.
- Топоров В.Н. 1989. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология.. М. <http://pagan.ru/>.
- Эрлих С. Е. 1997 «Поклонение волхвам (опыт динамического структурализма)» // Стратум: Структуры и катастрофы.